

Галина Коваль

ДЕЛА ЗЕМНЫЕ

*ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ*

Волгоград
2017

ББК

В оформлении обложки использованы работы художников
Марины Федорцовой и Алексея Савченко, взятые из Интернета

ПОВЕСТИ

ВЗГЛЯД
С ПОТОЛКА

ЗИМА
СЛИШКОМ
ДЛИННАЯ

Коваль, Г. А.

Дела земные: повести, рассказы / Г. А. Коваль. — Волгоград: Издатель. 2017. — 224 с.

Персонажи книги Г. Коваль не совершают героических поступков, это обычные люди, но у каждого из них свои боль и радость. Показывая их в разных житейских ситуациях, автор пытается донести до читателя мысль о том, что человек, творящий добро, находит свое место в жизни, обретает счастье.

ББК

© ГБУК «Издатель», оформление, 2017
© Коваль Г. А., 2017

ВЗГЛЯД С ПОТОЛКА

Глава первая

Взгляд с потолка скользил по предметам в комнате: выдвижные ящики, дверцы шкафа, комод со статуэтками белого фарфора внутри. Это осталось от покойной жены.

Взгляд с потолка заглянул в щель между шторами и увидел загаженный голубями подоконник. Улыбнулся, изменил траекторию и увидел кровать. Кровать до боли знакомую и привыкшую к запаху старости. Кровать держала на себе болезнь и немощь деда. Она была беременна дедом и своим большим животом доставала чуть не до потолка.

Взгляд с потолка метнулся к двери на кухню, обнаружив там боковым зрением какое-то движение. «Кажется, внучек», — подумал старик. Крошечная кисть легла на дверной косяк — она была липкой от леденца. Сквозь редкие белесые волосы ребенка просвечивала макушка — забавная и манящая. Шаткая походка ребенка наполнила взгляд с потолка щемящей нежностью и одновременно испугом: не дай бог, пошатнувшись, ударится внучек о косяк! Внучек действительно нарушает центр тяжести и роняет себя мокрой попой на пол — ползунки, правда, уж почти подсохли.

— Не спишь, дед?

Дед лежал под одеялом, еще не открывая глаз, и думал. Больно уж голос взрослый у внука. Открыть, что ли, глаза, чтобы определиться? Не хочется. Дневной свет тому причиной — старческим глазам к нему привыкать надо. Каждый день и каждый час.

— Так ты спишь или не спишь?

Голова старика кувыркнулась, и сознание переместилось из позавчерашнего в сегодняшнее. Сквозь узкие щелки старик увидел действительность запущенной комнаты. Глаза раскрылись немножко шире, но не совсем. Боязно, что ли, было? А как не боязно, если внучек вдруг превратился в сорокалетнего дядьку с залысиной на голове? Он сидел на квадратном

скрипучем стуле, взгромоздив ноги на круглый дубовый стол, и листал какую-то книжицу в мягком переплете.

Старик забеспокоился: этими бессовестными ногами скатерть не только запачкать, но и порвать можно. А скатерть была связана руками его жены — даже красивая скатерть, любо-дорого смотреть на нее до сих пор.

— Скатерть порвешь, — прошелестели губы деда.

Сорокалетний внук скосил глаза на кружево и стал разглядывать, не убирая, впрочем, ноги со стола. Вроде не первый раз скатерть видит, но красота рисунка проступила для него только сейчас.

— Сядь по-людски, — сказал дед.

Стул отчаянно закрипел под сорокалетним телом внука, и тот убрал ноги со стола.

— Давно пришел? — спросил дед.

— Сорок лет тому назад, — съехидничал внук. — А в потолок-то чего смотришь, дед?

— Да нет... Я с потолка смотрю. Как при клинической болезни.

— Никак умереть собрался? А я мешаю?

— Да умер я уже. Только прошлое во мне и осталось. Нафарширован я весь прошлым.

— Мне бы так! — возразил внук. — Думать не надо, что завтра, что через час будет. И как прожить это завтра, этот час по-человечески. А тут сорок лет — и ничего нет.

Он тяжело оперся руками о стол и уронил на него лысеющую голову.

— Скатерть-то бабка твоя связала, — перебил переживания внука дед. — Красоты-то не было, надо было делать красоту-то! Стул и стол я сам тесал, сбивал и клеил. Шкаф вон посудный тоже.

— Кому он нужен? Такого добра на каждой помойке найти можно.

— Пойди принеси.

Старику не хочется глядеть на внука. Усталость прикрыла глаза. Гневаться старик давно перестал. Осталась только усталость — проклятая и спасительная одновременно. Это она заставляла деда погружаться в глубокий сон и не давала сердцу разорваться.

Взгляд с потолка покинул комнату и глядел на лесную поляну. Она была неглубоко в лесу, рядом с дорогой, поросшей рыжим пухом летней пыли. Заходящее солнце, словно ткань скатерти, пронзило золотыми иголками поляну, высвечивая и как бы облагораживая дремучую желтую пыль.

Пыль поднимала стоящая среди поляны девочка. Она кружилась и пританцовывала, задрав остренький подбородок вверх и разглядывая солнечные лучи сквозь резной зонт, созданный листьями на макушках деревьев. Ее глаза не жмурятся — в этом возрасте на солнце можно глядеть сколько угодно. Ни далеким, ни горячим солнце не кажется.

Девочка воздушна и грациозна — она впервые видит солнце не во сне и ошарашена этим неожиданным открытием. Сердечко в груди колотится и обещает впереди много сладкого и неизведанного. Но не знает пока сердечко девочки, что сладкое может стать горьким, а горькое порой бывает сладким. Не знает этого и мальчик, присевший в густом разнотравье подлеска.

Взгляд с потолка видел, как поразили мальчика танцующая девочка и почти сказочная поляна. Но взгляд с потолка сердится. Девочку ищут все — и жители близлежащих деревенок, и служащие воинской и пожарной частей. Заколдованный лесом, меркнувшим небесным светом и еще чем-то мальчик должен известить людей о том, что девочка жива. А он не спешит этого делать. Не может оборвать в себе что-то совершенно новое, многообещающее. Это многообещающее — перед ним. Без названия.

Взгляд с потолка начинает не только видеть, но и ощущать, что испытывает мальчик, присевший в густом разнотравье подлеска. Ведь это он сам в семилетнем возрасте.

Потом другой свет проник сквозь веки, и, как дед ни жмурил их, глаза раскрылись. А увидел он стол, скатерть, стул, шкаф. Все на месте.

— И где же я?

Замусоленные края занавески напоминают о том, что он не на поляне, а в доме, а в доме сейчас время теперешнее. В прошлом времени занавески были накрахмалены и хрустели чистотой.

С кухни донесся какой-то шум, свидетельствующий, что старик не один в квартире. Хлопнув дверью, в комнату вошел сорокалетний внук.

— Принес?

— Дед, ты ничего не просил.

— Я — нет, тебе чего-то не хватало.

Великовозрастный внук сел на стул, взял со стола книжицу, повертел в руках и бросил в сердцах на скатерть.

— Неинтересная?

Внук молчал.

— Тоненькая такая! Что в ней уместится?

Дед ворчал, но ворчанье его стремилось к внуку, к его несвежему свитеру, отрепья которого сыпались на такой же несвежий пол.

Внук молчал. Обиделся, что дед послал его на помойку. Право слово, обидно: если он сейчас ничего не скажет деду, тот снова впадет в сон, и сиди тогда в неприкаянном молчании всю ночь. Телевизора нет, унес его внук в родительскую квартиру. Вот и возись с дедом целый день. А что у деда? Крохотная пенсия за вычетом квартирной платы.

Дед рассердился на внука, а потом возьми и спроси:

— Что за книжица такая?

— Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц» называется.

— Ну, почитай, что ли, — сказал дед.

— Чего? Вслух? — изумился внук.

— Ну, читай вслух.

— Не знаю, дед, ты как маленький.

Но он-таки начал читать.

Высохшее тело деда лежало под одеялом. В подушке для взрослых. Тиканье часов на стене стало неслышным — и все погрузилось в молчание. Внук понял, что разучился читать. Запинался, терял строку, снова возвращался к ее началу. Сопел в паузах и потел. Не нравилось все это внуку. Он и предположить не мог, что так плохо читает. Но потом, строка за строкой, страница за страницей голос окреп, и он наконец начал внятно выговаривать слова. И даже смысл текста внуком был обнаружен.

Эту тонкую книжку в мягкой обложке он нашел в скоростном подземном трамвае. В то раннее утро внук почему-то нервничал, крутил книжку в руках, да так и принес ее, свернутую в трубочку, в дедовскую квартиру.

— Дед, спишь? — прервал чтение внук.

— Ты — баобаб с астероида. Вырвать тебя ростком из земли надо было. А теперь вымахал и оттеснил от себя всех вокруг.

Внук не сразу понял, что говорят о нем и говорят плохо. Прошла минута, прошла вторая. И тут дед сказал:

— И дом номер шесть, и квартира двенадцать, и улица на букву «В» называется. Как раз В-612.

Внук опешил. Дед кое-как перевернулся на другой бок.

— Форточку открой, чтобы нос не воротить, — сказал он. — Планету надо убирать каждое утро.

Внук встал и открыл форточку. И остался стоять с книжкой в руках, внимательно разглядывая деда. Поинтересовался:

— Ладно, я баобаб, а ты кто?

— Я барашеквящике! — обозлился дед и ещепуще закутался в одеяло. Потом продолжил: — Ты, внук, ни одного цветка не понюхал. И на закат не смотрел ни разу, и никогда никого не любил. Все дела свои серьезные делал. — Вдохнул и дальше продолжил: — Слава богу, что я свой цветок докормил, допоил, от сквозняков спрятал. Пусть теперь ждет меня на своем астероиде. Прав этот Антуан — важно любить один цветок из миллиона цветов.

Голос деда звучал тихо и совсем ослаб на последнем слове. Старик уснул. Книжечка в мягкой обложке выпала из рук внука и брякнулась на стол, собрав на скатерти складочки. На лбу внука тоже собрались складочки. Он сердито стукнул дверью о косяк, зашуршала и посыпалась штукатурка под отклеившимися обоями — точно так же шуршали и осыпались в его голове забытые истины.

Взгляд с потолка проследил за внуком и покинул комнату. Ему понравились путешествия во времени и возможность видеть себя и всех со стороны.

Стены домика побелены не только известью, но и снегом. И все вокруг от этого кажется белым. Белизна, правда, очерчена желтой изгородью, а на крыше дома лежит почерневшая от времени солома. Земли вокруг много, и вся она заросла тростником и камышами — озерцо здесь небольшое. Озеро сейчас поблескивает льдом.

Есть еще бревенчатый сарайчик. Конь вороной полувисит на широких кожаных ремнях, закрепленных на балках под крышей сарайчика. Конь вороной порой встанет на дрожащие ноги, выдохнет жаркий воздух из ноздрей и снова позволит ремням тихо покачивать свое уставшее тело.

С легким скрипом открывается дверь сарайчика, морозный воздух без спроса вваливается в помещение. Тулуп в шапке военных лет и в валенках перешагивает через порог, делает два шага и обнимает коня за шею. Голова коня, покоившаяся до сих пор в яслях с сеном, как шея лебедя, ложится на тулуп и шумно вздыхает. Человек и животное замирают в объятьях любви.

Взгляд с потолка покрылся мурашками. Не хочет нынешний дед предавать своего деда. И расставаться с постаревшим конем не хочет, и на бойню его вести не хочет.

Все село над этим потешается. Правда, у каждого от этой потехи сердце стынет, но люди помалкивают об этом. Смех — он жизнь продлевает.

Дверь сарайчика скрипит снова, входит бабушка с внуком на руках. На бабушке старенький полушубок, а внук, одетый во все теплое, еще укутан сверху пуховым платком.

Конь вороной слизывает кусочек сахара с детской ладошки. А взгляду с потолка щекотно смотреть на нежные прикосновения этих замшевых губ. Внук взлетает в воздух и через секунду приземляется на спину коня. Конь собирается с силами и встает на ноги. Конь — под внуком.

Взгляд с потолка наполняется слезами умиления. Одна слеза падает вниз. Конь вороной реагирует на прикосновение любви свыше. Он нежно ржет, и это негромкое ржание радует мальчика. Он запрокидывает голову и смеется. Смейся, смейся — смех продлевает жизнь.

Сорокалетний внук стоит у кровати и разглядывает слепую маску спящего деда. А маска вдруг улыбнулась во сне. И из уголка правого глаза выкатилась неожиданная слеза.

«Ни фиги себе!» — подумал внук и отошел от кровати, думая, что дед подглядывает за ним.

Пол под ногами дышал. Внук, чего-то вдруг испугавшись, прошел на кухню и быстро перемыл всю посуду. Потом у подъезда вытряхнул крошки из скатерти. Входящая в подъезд женщина проговорила:

— Если стирать такую красоту надумаете, то только в теплой воде, мылом и непременно руками.

Скатерть посвежела, стол стал выглядеть как-то иначе. Внук протер пол в прихожей, перемыл обувь у порога. Чай сам запросился на посвежевшую скатерть. И пил он этот чай как-то иначе. Даже странно — и пачка та же, и сахар тот же, а вкус совершенно другой. «Тик-так», — согласились часы с мыслями внука.

Он поглядел на часы, а те засмутились — забыли про них люди. Влажной салфеткой протер внук засиженный мухами циферблат. Потом, сняв часы со стены, протер весь корпус. Вернулся к чаю, кусая нехотя воздушную ром-бабу. Деду ром-бабы тоже нравятся. В последнее время ему и мясо не по нраву, и сыр — разве что яичко всмятку или огурчики маринованные. А еще — ром-баба.

Глава вторая

Не хочет дед расставаться ни с бабушкой, ни с конем. Он старательно жмурит глаза, старческие веки дрожат и отгоняют сон. Пришлось глаза раскрыть. Увидел, что комната стала светлее, а скатерть на столе ярче. Увидел за столом внука.

— Проснулся, дед? Видеть вроде стал лучше.

— В магазин, что ли, ходил?

— С чего ты взял?

— Да рубаха на тебе прямо как из магазина.

Внук огладил себя руками. Новехонькая рубашка и вправду немножко топорщилась, а ворот вообще отдавал почти каменной белизной.

— Обувь в шкаф убирал. Гляжу, лежит в целлофане. Чего ей лежать, думаю? Взял и надел.

— Ишь ты! А я в чем в гробу лежать буду?

Внук растерялся, начал расстегивать пуговицы на рубашке.

— Никому от тебя покою нет, — сердито проговорил дед. — Тебе родить надо бабаба, чтобы был такой, как ты. И чтобы сидеть возле тебя сиднем и ничего не делать. Понял?

Внук неохотно слушал и переодевался в свой несвежий свитер.

— Закат надо смотреть, — проворчал дед, — у нас его из окна видно.

— Зачем? — спросил внук.

— А чтобы цветами любоваться.

— Зачем? — еще раз спросил внук.

— Тогда увидишь свой цветок среди других.

— Дед, да что ты привязался к этой книжке? Там же все выдуманно!

— Там все ясно, дурень! Была у меня роза...

Внук понятливо закивал головой и ушел с этой пустой головой в прошлое. Дед это заметил и произнес:

— У тебя кактус был — зеленый, неопытный. Он бы и зацвел красотой невиданной, если бы ты не был бабабом. Самые лучшие годы на малолеток потратил!

Внук отошел к окошку. «Завтра бы стекла помыть да протереть газетой, как мама это делает», — подумал он.

— Слушай, дед, да никого я не трогаю. Я просто живу.

— А то я не знаю! А ты трогай, с пути убирай, соломку стели.

Дед выпростал руку из-под одеяла и положил ее на грудь. Его щеки порозовели, а глаза заблестели.

— Можно думать, что это ты, а не я, напился чаю, — хмуро сказал внук.

— Если еще есть, то и я выпью. С бабою.

Дед имел в виду ром-бабу из кулинарии. И началось чаепитие. Внук отламывал кусочек ром-бабы и вталкивал его в беззубый рот деда. Потом из столовой ложки поил деда теплым чаем. Причем делал это внук как-то особенно сердечно. Не так, как всегда. Дед почувствовал эту сердечную теплоту, и душа его согрелась.

— Чай — он бодрит, — произнес он. — Даже спать не хочется. Еще почитай.

На этот раз внук читал чуть ли не с выражением. Дед слушал, как дите малое, и глаза его блуждали по комнате. Часы на стене поблескивали старой позолотой. Встретившись с ними взглядом, старик заулыбался. Тиканье часов слышно не было — видимо, часы тоже слушали.

— Еще не спишь? — спросил внук.

— Опять все про тебя было написано, — ответил дед.

— Да неужто?

— А сам посуди. Планета короля — это про тебя. Как ты жил? Все для тебя должно было быть. Молодых девчонок возле себя держал, а они, раскрыв рот, слушали тебя и во всем слушались. А помнишь ли ты, что писал твой Экзюпери? Спросить с каждого можно лишь то, что он способен дать. Нельзя приказывать варить кисели девчонке в шестнадцать лет. Ей платье каждый день менять надо. Да и вас, парней. Ты молод, но они еще моложе. А молодость честолюбива, глупа и тщеславна. Ей кажется, что она всех красивее, всех нарядней и умнее. Ох и умница твой Экзюпери!

Дед даже голову приподнял, и внуку пришлось присесть рядом и свернуть вдвое подушку, чтобы голова деда была повыше. Он не сердился на деда, а дед не сердился на него. Какая-то мягкая печаль нашла себе место в сознании и того, и другого.

— А планета пьяницы не про тебя? Сколько ты пил после всяких передряг? Пил просто так — чтобы пить.

Теперь внук пустился в странствия по своему прошлому. Голова его повернута к окну, профиль очерчен вечерним светом, и у деда есть возможность разглядеть внука. Смотрит старик и любит, и радуется, даже пролежни у него не зудят — тепло и уютно ему в кровати стало.

Старик заснул. Внук остался в прошлом. А часы на стене заскучали — люди их покинули.

Взгляд с потолка немножко задержался на лысеющей макушке сорокалетнего внука, потом улыбнулся часам на стене, потом нырнул в окошко — и...

Ослеп. Оглох. От взрывов снарядов. Страшная сила подняла его в воздух и потом бросила на корчившуюся от взрывов землю. Было ужасно. Снаряды рвались и рвались, и небесные комья грязи сыпались и сыпались на окровавленную землю. Он чувствовал на себе этот тяжелый слой промерзшей земли и надеялся, что он закроет его своим телом, как щитом. А на что ему еще больше было надеяться?

Бомбежка закончилась. Земля-матушка еще осыпалась с небес на тело солдата, а он обнимал землю, вжимался в нее и благодарил за спасение. Он свято верил, что спасла его именно эта земля — ржаная, нищая и родная.

Солдат пошевелил каской, чтобы сбросить с себя слой закрывающей его лицо земли, и открыл глаза. Сначала увидел израненную землю, а потом израненного себя. Рана на ране. А к самой глубокой ране прижался белоснежный котенок. Откуда он тут взялся, непонятно. Но солдату было больно, и он, позабыв про котенка, заорал:

— Я ранен!

Котенок не исчез. Он трясся всем телом, но не сводил с солдата глаз. Нарастающий свист очередного снаряда заставил солдата опомниться. Он схватил рукой белоснежный комочек шерсти, прижал к щеке и накрыл краем каски. Взрыва почему-то не последовало.

И вот лежат на черной израненной земле двое — человек и белоснежный кошачий детеныш. Солдат мотнул головой, каска сдвинулась на правый бок, и перед его глазами оказались глаза котенка.

— Ты чей? — спросил солдат.

— Я твой! — ответил за котенка новый взрыв.

И тут по каске постучали. Еще одни зеленые, почти кошачьи, глаза посмотрели на солдата.

— Живой?

— Да вроде бы.

Санитарка распласталась рядом с солдатом — голова к голове. И тут увидела котенка.

— Ух ты! А он твой?

Две каски, два подбородка на израненной земле. Три пары глаз. Глядя на них, даже снаряды перестали падать.

Санитарка была бесстрашной. Солдаты ласково называли ее «шалавой безмозглой» и улыбались при этом. Имелось в виду не легкомысленное отношение к мужчинам, а легкомысленное отношение к смерти. Залезть в горящий танк, чтобы вытащить оттуда почти смертельно раненного танкиста, ей было пару раз плюнуть.

Лица санитарки никогда нельзя было разглядеть. Каску поддерживал курносый носик над остреньким подбородочком. Губ тоже не видно — они вечно с грустью поджаты. Но сейчас рот санитарки рядом, и он розовый, как у котенка.

— Отдай мне котенка, — попросила санитарка. — Ты его не прокормишь, а у меня и пипетка есть, и молоко сухое.

— Если поцелуешь, он будет твой, — усмехнулся солдат.

— А что же не поцеловать? — И женские губы прилипли к мужским губам. А потом оторвались и восторженно чмокнули белоснежную шерсть котенка.

— Ты мо-о-й! — воскликнула она.

— Он твой! — подтвердила изрешеченная снарядами земля.

Котенок зарылся в женской груди, что-то ему напоминающей.

Взгляд с потолка проследовал было за котенком, но был ошеломлен следующим поцелуем — более длинным, дрожащим и бесконечным. Даже после поцелуя губы солдата и санитарки не разжались, а продолжали вглядываться друг в друга. И земля стала под ними горячей.

Взгляд с потолка прошуршал над степью и деревенькой, в которой вместо разбомбленных домов торчали только печные трубы, ворвался в свою комнату и зарылся в подушку.

Так устал он путешествовать во времени, что спал тяжелым сном.

— Проснись, дед! Подгузник поменяем — мне идти надо.

Плохо ему было возвращаться в войну — чтоб она сгнула, проклятая. Так же, как сгнула в небель пацанка-медсестра с теплым комочком белоснежной шерсти за пазухой.

Дед с радостью открыл глаза. Понял, что не на войне он. Санитарку жалко, котенка жалко, но зато теперь они вместе навсегда.

— А ты не уходи, — сказал дед внуку. — Еще почитай.

— Да спать мне здесь негде...

Диван после смерти бабушки вынесли к подъезду. Хотели продать и купить новый. Но тот благополучно исчез.

— А ты в стенку постучи.

— Чего?

— В стенку постучи. Соседка придет и даст раскладушку.

В стенку внук стучать не стал. Вышел в подъезд и постучал в дверь. Стук услышали — за дверью протопали чьи-то шаги. Видимо, его разгля-

дывали в глазок. Еще раз постучал. Подождал. Не открыли. Наверное, не понравился. Вернулся в свою квартиру и уже с порога сказал:

— Дед, а мне не открыли!

— Нет никого? — спросил дед.

— Кажется, кто-то был.

— Роза там за стенкой живет. Точно такая, как в книжке.

— С колючими шипами? Дед, в книжке картинок нет. И там описывается цветок, а не женщина.

С дедом произошли перемены в лучшую сторону, и внук решил этим воспользоваться.

— Фантазерка, поди? — спросил он, имея в виду соседку.

— Она. И маленького принца ждет.

— Почему маленького?

— А большой на что?

— Дед, ты как не мужик! — рассмеялся внук.

— Мужик розе не надобен.

— И долго ждет?

— Всю жизнь.

— И никого не было?

— Да являлись всякие.

— И что?

— Да все не то. Роза, похоже, маленького принца ждет.

— На всех принцев не хватает, дед.

— Роз еще меньше.

Внук покачал головой и продолжил пеленание. Потом уронил использованный подгузник в целлофановый пакет и бросил его через всю комнату в прихожую. Пакет шмякнул о входную дверь и упал на пол. Женщина в соседской квартире, прислушивающаяся к тому, что происходит, отпрянула от глазка. Чуть дыша, рухнула в кресло. Потом опять вскочила и бросилась на дверь, как на амбразуру. Провернула ключ в замке и лбом прислонила к двери. Что это могло быть? Посмотрела в глазок — на площадке никого. Потом услышала проворачивающийся в соседней двери ключ. И кто этот мужчина, вытряхивающий на улице умопомрачительной красоты скатерть покойной соседки? Внук, говорят, был у соседей. Пьющий, говорят, он был, а пьющие мужчины женщинам неинтересны.

Женщина опять из кресла возвратилась к дверному глазку — никого нет на площадке. И вдруг видит, что с обратной стороны двери на нее смотрит глаз мужчины, то приближая, то отдаляя небритое лицо.

Руки женщины прошлись по вельветовому халатику, поправили воротник, заправили выбивающуюся прядь за ушко — и все это не отрывая глаз от дверного глазка. А тут и мужчина прижался ухом к двери. У женщи-

ны сердце зашло. Она рукой нащупала выключатель, потушила свет в прихожей и на цыпочках пошла внутрь квартиры. Только не загреметь бы чем-нибудь! Куда там! Она взяла и зацепилась полой халата за ключи с брелоком. Упавший брелок звонко оповестил о своем присутствии. Мужчина развернулся и поспешил выйти из подъезда. Женщина долго слушала удаляющиеся шаги — тише, тише, тише.

А что о женщине? Волосы, понятно, рыжие. Говорят, что цвет ужасный, но она так не считает. Прямая челка надоела, и не по возрасту уже, и не модно. Прямое каре под Анну Ахматову. Шея тонкая и длинная — в стиле моделей, представляющих элитную бижутерию. Кожа прозрачная, ну, может быть, чуть тронутая возрастными морщинками. Глубоких морщин пока нет. Из-за небольшого роста и соответственно такого же веса считает себя женщиной дорогой, но, как ни странно, ручной. Да, есть еще зеленые злые глаза. Злые потому, что сама допустила оплошность у двери. Она поднимается с кресла, с трудом выпрямляется и грызет заусенец на пальце — это немного помогает.

А потом вдруг заливается смехом. И вовсе она не дура, она просто сделала что хотела — пусть знает соседский мужчина, что подслушивать некрасиво. Стоп! Зачем звонят мужчины в двери одиноких женщин? Одинокая — не значит доступная. Злые зеленые глаза уже не такие злые, они наполняются радостью. Женщина опять направляется к креслу с гордо поднятой головой и сидит там в этом положении долго-долго — этим объясняется отсутствие дряблой кожи на шее.

Взгляд с потолка усмехнулся, наблюдая за соседкой через стену. Роза! Капризная роза, с шипами. Охо-хо-хо! Высохнет скоро, если так жить будет.

Взгляд с потолка оторвался от смешной соседки и увидел другие глаза напротив своих глаз. Душа задохнулась в воспоминаниях и ощущениях...

Губы буквально тонули в смеющемся рту молодой женщины, торговавшей пивом. Когда он уходил на войну, у нее была газированная вода с сиропом и без него. Если он подглядывал за сладкой девушкой до войны, а она от него отмахивалась, как от пчел, то в послевоенное время продавца пива он мял, кусал, подминал под себя прямо на привокзальной площади у пивной. И его не отталкивали, не сердились на шетину, только смеялись рассыпчатым смехом. А желание обладать не желающим его объектом становилось все горше, все слаще и зудящим до изнеможения. А каким должно быть настоящее желание, парень, вернувшийся с войны, никогда не узнает.

Ухабистая послевоенная жизнь вдов светилась так, что на нее слеталась вся молодежь того послевоенного времени. Летели, как мотыльки на огонь — и тут же сгорали. Напряжение послевоенных лет одним совокуплением снять было невозможно. Вино для женщин, водка для мужчин, сахарные подушечки для детей, семечки для всех.

Взгляд с потолка скользнул боковым зрением на улицу, по которой шагал его великовозрастный внук, хотел было вновь устремиться в прошлое, но у пивной бочки на привокзальной улице остановился. Потом голова деда притулилась лбом в подушку, и он стал спать уже без сновидений.

Глава третья

Дверь сыну отворила мать. Повернулась к нему спиной и ушла в глубину квартиры. Так повелось с тех времен, когда сын пил и не хотел, чтобы его видели в таком состоянии.

— Мам, — сказал он, — я завтра телевизор назад к деду отнесу.

— А забирал-то зачем?

— А кто ж его знает. Так, нашло.

— Как он там?

— Бодренький.

— Говорят, перед смертью всегда легчает.

Сын промолчал. Рассмотрел собственное лицо в зеркале. Не понравилось. На деда неухоженного похож стал. Решил утром зайти в парикмахерскую и подстричься. Деда, что ли, еще подстричь? Взять да и вызвать ему парикмахера на дом.

— Не надо, сын. Так только перед смертью делают, — отговаривала его мать.

— Как это? — с недоумением спросил сын.

— Видят, что скоро уже, и тогда вызывают парикмахера.

— Но дед сейчас как всегда, даже лучше ему вроде. И пусть дед живет сколько хочет, я только рад этому буду.

— А ты сиделкой возле него жить будешь? Молодой еще. Жениться тебе надо.

— На розе...

— Имя у нее, что ли, такое? — Мать будто бы обрадовалась и села рядышком с сыном, щеку подперла рукой. Слушать собралась.

— Да нет, просто буду искать женщину-цветок. С колючими шипами.

— Ты опять, что ли, выпил?

— Да нет, абсолютно трезв.

— Чего же тогда несешь?

— Вот в выходные поедешь к деду, он все тебе и расскажет.

Мать досадливо махнула рукой и пошла в комнату к мужу — тот в последнее время к сыну не выходил. В ссоре они уже больше месяца. Не мог он видеть, как сын бесцельно прожигает жизнь.

Солнышко уже зашло — внук так и не увидел закат.

— Никак постригся? — удивился дед, помогая внуку снять с себя ночной подгузник и надеть новый.

Старик кряхтел, переворачиваясь на другой бок.

— Воняет?

Внук отрицательно покачал головой. Еще один пакет влажной тяжестью ударился о дверь и упал на пол прихожей.

— А тебе, дед, тоже постричься бы пора — оброс весь!

— Думаешь, пора?

Внук смутился, вспомнив, что говорила ему мать о предвестниках смерти.

— Значит, пора, — вздохнул дед. — Торкни в стенку, соседка наша парикмахер, всех в подъезде стрижет. Внимательная.

— За деньги?

— А то как же. Всегда с куском хлеба.

— Бабам не это нужно! — ухмыльнулся внук.

— То бабам...

Дед, улыбаясь, проваливался в сладкий сон. Летит в небе, смотрит на облака. А вниз смотреть боится — вдруг там война проклятая в игры свои играет?

А в облаках что, кроме облаков, можно увидеть! Летишь и летишь, как в детстве.

Внук поднял пакет с пола и шагнул за порог. Дверь на замок за собой запирает не стал. Спустился на три ступеньки вниз и остановился. Почувствовал, что сквозь дверной глазок на него опять глядит соседка. Повернул голову — так и есть. Дверной глазок мигнул светом. Внук вышел из подъезда, закинул пакет в мусорный бак и вернулся в дедовскую квартиру. Поднимался по лестнице степенно и все глядел на соседскую дверь. Ненормальная какая-то эта соседка, ведет себя странно, а если разобраться, никак себя не ведет.

Это он к ней в дверь стучался. Почему не открыла? Терлась о дверь с той стороны и разглядывала его в дверной глазок. А он тоже терся о ее дверь и пытался рассмотреть, кто там за дверью.

Взгляд с потолка возвращался из полета и с ехидством наблюдал за внуком. Потом он заглянул сквозь дверной глазок к соседке — там онемевшая женщина, затаив дыхание, прижималась щекой к двери. Взгляд с потолка обследовал соседскую квартиру на предмет наличия раскладушки — она, зачехленная, стояла на балконе. На голове у женщины была пальмочка волос. Женщина почувствовала прикосновение и, отшатнувшись, затянула резинку потуже.

Внук тем временем с беспечным выражением на лице прошествовал мимо соседской двери в квартиру деда. Ступив одной ногой за порог, вдруг

резко развернулся и снова оказался у дверного глазка соседки. Их глаза оказались напротив. Женщина отшатнулась.

— День добрый! Деда постричь надо, не согласитесь?

Внук ждал ответа: любопытно, что скажет женщина за дверь? Она молчала.

Он понял, что женщина отрицательно покачала головой — он это всем нутром почувствовал. Внук почесал свой затылок, посмотрел в дверной глазок, махнул рукой и пошел к себе. Женщина за дверь закашлялась, Сердце колотилось и закатывалось в глубину ребер. «Так, значит, он и есть внук покойной соседки? — думала она. — Он же просил подстричь бабушку! Что же не ответила ему?».

Чтобы остудить жар на щеках, она ладонью смочила их холодной водой. В это время внук стоял в ванной комнате и разглядывал себя в зеркале. Его зеркало висело чуть повыше, чем зеркало соседки через перегородку. Получалось, что два раздосадованных друг на друга человека стояли друг против друга, и разделяла их только кирпичная кладка из красного кирпича. Внук постучал по кафелю на своей стене, сильно постучал, понимая, что кафель гасит звук.

«Что значит этот звук? — подумала женщина в своей ванной комнате. — Маньяк, что ли?»

Стук повторился. И тут женщина вспомнила, что этот человек просто-напросто попросил ее постричь деда.

— Ты тут? — раздался голос деда из комнаты.

— Да тут я, тут. Соседка случайно не самогон варит?

— Выпить хочешь? — язвительно спросил дед.

— Тебя хочу подстричь, а она дверь не открывает.

У деда сверкнул глаз. Один. Второй еще не проснулся. А когда проснулся, дед поднял руку и постучал ею в стену. Внук опешил, а дед расцвел в улыбке.

— Так я уже стучал ей — и в дверь, и в стену ванной...

Звонок в дверь порадовал дедовскую квартиру через десять минут. Внук немного испугался. Он вспомнил, что небрит, а свитер вытянут от долгой носки почти до колен. И что делать?

— Иди открой, — сказал дед и расправил на груди одеяло.

— Сам иди, — огрызнулся внук.

В дверь опять постучали. Глянь, какая настырная — ему дверь не открыла, а по зову деда тут как тут. Внук с напускным равнодушием распахнул дверь — а там стояла его мать.

— Чего притаились? — сердито спросила она.

Сначала она перешагнула через порог квартиры, а потом вернулась и громко затарабанила в соседскую дверь. Внук опять опешил и сделал не-

сколько шагов в глубину прихожей, чтобы не видеть, кто сейчас откроет дверь. А посмотреть очень хотелось. Соседская дверь открылась.

— Привет, это я. Давно меня видно не было? Раскладушку одолжишь? Сын с дедом ночевать собрался.

— Да ради бога! А бабушка так плох?

— Высох, как мумия. Но лежит — никому не мешает. — А потом сыну: — Да иди уже с балкона раскладушку забирай!

Сын взял раскладушку и шагнул в комнату деда с великим облегчением.

— Сын, ты чего? — спросила мать. — Тебе плохо?

— Да нет...

— На тебе же лица нет — ты белый весь!

— Просто холодно в подъезде, и дверь у соседки настежь.

— Так лето же на дворе! Дед, а чего это с ним? — удивленно спросила мать.

Дед засмутился, засмутилась и беременная им кровать.

— Мать своих детей никогда не знает...

— Не про меня это — я его как облупленного знаю!

— А чего тогда спрашиваешь?

— Так он ведь у тебя штаны пропьет!

— Не ври. Он мне жизнь скрашивает.

Мать засмеялась, вспомнив темные лица внука и деда. А потом заплакала. Наконец успокоилась, отдышалась. Лицо ее стало сурово осунувшимся, как у женщин на черно-белых военных фотографиях.

— Ну, если он так с тобой себя ведет, — тихо сказала она, — пусть тогда и мою жизнь скрасит.

— Я никому ничего не должен! — заорал из кухни внук.

Матери захотелось поскандальить с сыном, но дед перебил:

— Еще как скрасит. Вот сейчас соседка меня пострижет, потом тебя пострижет — и все будет ладно.

Мать нахмурилась.

— А раскладушка тогда ему для чего?

— Так ведь еще никто никого не стриг!

— Ну хорошо, пострижем, что будет тогда?

— Будто сама не знаешь?

— Я-то знаю, а сын давно позабыл про все это.

Опять зазвонил звонок в дверь. Звонил долго, ровно столько, сколько длилась последняя фраза матери.

Часы на стене внятно озвучили свое существование: тик-так, тик-так — да, разумеется, только так.

— Открыто, — произнес дед, но его не услышали и позвонили снова.

Мать приоткрыла дверь.

— Что звонишь? Знаешь ведь, что я за дверью стою.
— Дедушка стучал в стенку, — смущенно сказала соседка.
— Дед, ты стучал? — закричала чуть ли не на весь подъезд мать.
— Стучал я, стучал.
— И чего он хотел? — опять рассмеялась мать. — Конечно хотел! Мужики — они и в старости хотят!
— Будет вам над дедушкой шутить, — сказала соседка. — Мне уйти?
— Ей уйти? — опять крикнула мать деду.
— Пусть идет. А как ты уйдешь, я ей снова постучу.
— Что это такое с вами, соседка? — задумчиво спросила мать.
— Сегодня? У нас так всегда.
— Я не замечала. А замечать надо. Ты, девочка, одна. Сыночек мой тоже один. Развороши его, и он тебя поворошит где надо.
Соседская дверь хлопнула, и мать хлопнула своей дверью.
— Будто и не за этим, хамка, приходила. — Наморщила лоб, что-то вспоминая. — Ах, да! Пакеты разгрузишь сам, сын. Дед, как себя чувствуешь?
— Нормально.
— Ну и ладненько. Тогда я пошла.
На площадке взгляд матери остановился на соседской двери. «Ишь, — подумала она, — не успела еще рот раскрыть на наследство дедовское, а тут сразу эта соседка с огромным аппетитом!»
А тут и другая догадка: у соседки своя квартира, и сыночек может запросто в нее войти — чем не решение проблем?
А соседка, обмирая от страха, наблюдала в глазок за матерью. За что к ней такое отношение? Если одинокая женщина, значит, гулящая? И с кем? Со стариком больным?
На пол капнула теплая слеза обиды. Еще одна и еще. Стук в дверь заставил одинокую даму снова отскочить в сторону. Смотреть в глазок не смела. Снова внучок деда? Господи! Он точно маньяк.
— Я чего сказать хочу, — раздался приглушенный дверью голос матери. — Ушла я. Деда подстриги, когда время будет. Деньги, как всегда, с пенсией. — Мать прислушалась к эху собственного голоса в подъезде и добавила: — Договорились, значит. И научись шутки понимать. Одичала сов-сем. — Шмыгнула носом, поправила лифчик и зашагала вниз по лестнице, раскачивая тело вправо, влево.
Соседка наблюдала в дверной глазок и возмущалась про себя: как деда стричь, если в квартире внук-маньяк находится. Женщина пошла на кухню, думая, как поступить. Получается, что он у деда будет ночевать, она и раскладушку дала. Голова на длинной шее склонилась набок. Пальмочка из волос на лбу качнулась, соглашаясь с женщиной. Когда уже она отрастет! Вскочила, с досадой рванула на себя форточку, пусть зайдет свежий воздух.

Но этого показалось недостаточно. Ринулась на балкон, подставила свежему воздуху тело. Охладившись, запахнула халатик и, пользуясь что балкон был на первом этаже, безбоязненно перегнулась через перила, чтобы увидеть балкон деда.

— Маньяк! — взвизгнула она, когда перед ее лицом оказалась физиономия внука.

С силой захлопнула балконную дверь, которая тут же открылась.

— Боже! Он лез ко мне на балкон... Зачем? — неизвестно кому доложила женщина севшим голосом. И тут же кинулась закрывать балконную дверь на шпингалет. Не вышло. В проеме чернел мужской силуэт. Чей? Конечно маньяка.

— Не лез я... два шага по земле, дверь открыта, я и зашел. Балкон от земли на полметра всего. Кричали вы, вдруг вам плохо? — Мужской силуэт не шевелился, стоял, будто приклеенный.

— Я не одета... Я одна... Мне действительно нехорошо. Уйдите.

Женщина буквально свалилась в кресло, подобрала под себя ноги. (Когда она брила ноги в последний раз? Наверное, заросли, как щеки у маньяка).

— Вы одеты. Я тоже один. Мне тоже нехорошо. Не уйду, пока вам хорошо не станет.

— Оттого, что вы здесь, мне не станет хорошо. Уйдите.

Мужской силуэт переместился по комнате и сел на диван. Дневной свет мгновенно высветил его лицо.

— Уже побрился, — безликим голосом проговорила женщина, не заметив, что перешла на «ты». — Совсем другим стал.

— А до этого каким был?

— Не очень...

Дама вспомнила о пальмочке из волос на лбу. Кажется, пальмочка в этот момент вспыхнула огнем. Женщина закатила глаза под брови, ладошкой, как шапочкой, накрыла завязанную резинкой челку.

— Не смотрите на меня.

Она продолжала сидеть в нелепой позе, с поджатыми ногами, и руками прикрывала голову. Дама не решила, что делать ей дальше, она, можно сказать, умирала. «Маньяк», обеспокоенный ее странным поведением, встал и шагнул к женскому трону.

— Тебе резинка стянула волосы, вот ты и мучаешься.

Руками развел ее руки и почему-то очень больно стянул резинку с волосяного кустика. Кустик остался стоять, как по стойке «смирно», и болезненное ощущение у основания еще чувствовалось.

— Легче?

— Легче.